

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ГРАММАТИКА ОШИБОК: В ПОИСКАХ КОНСТАНТ¹

Александрю Евгеньевичу,
с любовью и благодарностью

ВВЕДЕНИЕ

Недавно в Москве вышел перевод книги Анри Фрея «Грамматика ошибок» (см. Фрей 2006). Сама книга была написана еще в начале прошлого века (1928 год) и по праву может рассматриваться как один из первых манифестов функционализма (в этом отношении она очень близка книге Александра Евгеньевича, хотя и отстоит от нее почти на век) — правда только в одной, хотя и значимой для лингвистики области, а именно, в области языковой нормы. Идея А. Фрея состоит в том, что ошибочные высказывания носителей языка являются столь же полноправным лингвистическим материалом, как и обычные, соответствующие норме, а сама норма не является незыблемой и поддается обязательным изменениям, которые как раз и проявляются в частотных ошибках говорящих. Получается, что по ошибкам в употреблении маркеров той или иной категории — если эти ошибки тщательно собирать — можно отслеживать направление исторических изменений, заложенных в языке. Теоретически, можно было бы представить себе своего рода «параллельную грамматику». В ней каноническим правилам (в идеале — каждому из них) сопоставлялся бы исторический экскурс, описывающий историю этих правил, т. е. процесс их формирования. Вдобавок к нему тут же приводился бы и набор типичных для каждого правила ошибок, характерных для современных носителей языка: как залог будущих изменений в нем.

Тривиальный, но единичный, пример из русского — вариативность рода для *кофе*, прекрасно описанная Д. В. Сичиновой, кстати, переводчиком книги А. Фрея (см., например, mitrius.livejournal.com/743694.html?nc=58), которая выравнивает и стандартизует парадигму этого слова по среднему роду, устраняя в нем следы от устаревшей формы *кофей / кофий*. А. Фрей, конечно, имел в виду более глобальные исследования, даже для конкретного языка. Однако, как ни жаль, в целом его идеи, по сути дела, оказались забыты на несколько десятков лет — и возвращались в теоретическую лингвистику лишь окольными путями.

Пожалуй, самым магистральным из них было описание детской речи. Соответствующие работы начались в 1960–70-е годы: это исследования не филогенеза, как хотел бы Фрей, а онтогенеза. Тем не менее, основой для них также являются неканонические формы, т. е. случаи отклонения речи детей от нормы — или *ошибки*, и в целом полная (но пока еще далеко не выполненная) программа описания этапов овладения ребенком «взрослой» речью чрезвычайно масштабна.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

Другое, более скромное, но и более современное воплощение идеи Грамматики ошибок — это фиксация и обследование устной речи, для русского языка связанное с именами Е. А. Земской и ее учениц М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, а теперь еще и с Петербургской группой Н. В. Богдановой. Однако ошибки и оговорки в разговорной речи имеют свою специфику. Во-первых, как считается, устная речь существенно отличается от письменной — возможно даже по составу грамматических значений (например: есть ли в ней пассив? А если даже есть, то верно ли, что он функционирует в полном объеме?). Во-вторых, устные ошибки и оговорки, как показано в Русакова 2013, бесспорно предсказуемы и системны, но обусловлены прежде всего нелинейным процессом порождения речи, синтагматикой, праймингом и другими внешними, т. е. асемантическими эффектами.

Способом внедрения «ошибочного» материала как объекта лингвистического исследования, затрагивающим не только поверхностные, но и глубинные слои языка, можно было бы считать структурные эксперименты с примерами. Начиная с 60-х годов такие эксперименты стали неотъемлемой частью любого лингвистического исследования, любой статьи и монографии: когда мы «портим» пример, мы обнаруживаем границы правила, которое исследуем. То, что область действия английского пассива как конструкции ограничена, видно из хорошо известной пары примеров (1–2):

- (1) *the bed was slept in* VS. (2) *??the floor was slept on,*

представляющих правильную в этом контексте фразу (1) и чуть-чуть отличающуюся от нее (2), но сомнительную и с точки зрения узуса, и с точки зрения английской грамматики.

Точно так же, границы русского пассива отражаются в другой, тоже хорошо известной грамматистам паре (3–4):

- (3) *Дом никем не охраняется* VS. (4) *??дом охраняется мной / инженером / сторожем.*

Преимущество искусственных примеров в том, что их можно придумывать, в общем, в неограниченном количестве, но и плохи они тем, что рукотворны: их автор моделирует то самое языковое явление, который он в данный момент изучает, а найти новый факт они помогают редко. Следовательно, естественные и незаметные глазу процессы, о которых говорят и спорят функционалисты, как раз не попадают в зону такого эксперимента и остаются «невидимыми».

Эпоха *usage-based* лингвистики, такая близкая по духу для А. Е. Кибрика (ср. прежде всего Кибрик 2003), породила корпус и корпусные данные. В такой парадигме разговор о Грамматике ошибок — это разговор о *Корпусе* ошибок, или, как его более политкорректно называют, *Learner's corpus*, т. е. учебный корпус, или, иначе, Корпус нестандартных говорящих. По-настоящему, это должно быть целое семейство корпусов, потому что если следовать классификации, предложенной в Mustajoki et al., и др. 2010: 5–16, нестандартные говорящие это и носители региональных вариантов языка, и изучающие его как иностранный, и старики, забывающие слова и конструкции, и дети, еще не выучившие язык во всем объеме, и люди с травмами и отклонениями — глухие, афатики и др., а также эмигранты, оказавшиеся в чужой языковой среде.

Среди последних в особую группу выделяют детей эмигрантов (херитажников, или эритажников, от англ. термина *heritage language*), для которых усвоенный (как унаследованный от родителей) в детстве язык не успел стать доминантным и которым в конце

концов для овладения им приходится учить его заново. Сейчас мы делаем корпус, представляющий язык таких носителей: www.web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/². Уже и этот небольшой учебный корпус позволяет проиллюстрировать сказанное на достаточно любопытных, на наш взгляд, и разнообразных примерах.

ПРИМЕР 1. АДВЕРБИАЛЬНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Наш первый пример будет совсем в духе А. Фрея: он касается русской сравнительной конструкции, ее структуры и путей развития, отраженных в корпусных ошибках.

Действительно, русская сравнительная конструкция оказывается настолько трудна, что, например, университетские преподаватели академического письма (да и просто университетские преподаватели и академические редакторы) сталкиваются с валом ошибок в ее употреблении. Ошибки не только частотны, но и разнообразны. В первую очередь это дублирование показателей сравнительной степени (аналитического и синтетического), ср. (1):

- (1) *Эти ноутбуки потребляли меньше энергии, но были **менее** компактнее по объему.*

Дублироваться может и маркер сравнения:

- (2) *И прибыль от разрушения гораздо более заметна и быстра, **нежели чем** от строительства.*

В то же время есть обратные примеры, когда говорящий предельно упрощает конструкцию, заменяя ее сложную и, в общем, громоздкую структуру на маркер сравнения в контексте интенсифицированного признака:

- (3) *В русском языке семантический диапазон данного слова **чрезвычайно** широк, нежели в английском.*

Философия функционализма подсказывает нам, что все это не случайно и что это конструкция, в которой уже происходит или предвидится скорая перестройка: она слишком сложна даже для носителей — не говоря уже о трудностях, которые испытывают студенты РКИ и те, кто пользуется другими нестандартными вариантами русского. Сказанное подтверждают и данные Учебного корпуса: в нем (при небольшом общем объеме 340 тыс. словоупотреблений) встретилось 104 ошибки в таких конструкциях.

В подавляющем большинстве это адвербиальные конструкции, хотя, по-видимому, адвербиальных конструкций в реальных текстах и вообще во много раз больше, чем адъективных, так что это не слишком удивительно. Удивительно другое: в существующих описаниях (АГ 80, Князев 2007 и 2011, Санников 2008 и др.) адвербиальные

² Корпус создается как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource Center (UCLA) и Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М. С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной. Главный конструктор корпуса — Тимофей Архангельский. В состав корпуса входят тексты Учебного корпуса академической речи (Russian Learner Corpus of Academic Corpus), разработанных О. В. Киселевой и А. А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И. Е. Дубининой и Е. С. Деньгулом.

сравнительные конструкции обычно рассматриваются *вместе* с атрибутивными, как если бы между ними не было никаких отличий. Однако сам факт преимущественных трудностей для адвербиальных контекстов свидетельствует о том, что они образуют специальный подкласс сравнительных конструкций со своими особенностями.

Примеры НКРЯ (4–5) показывают внешнюю структурную идентичность атрибутивного и адвербиального сравнения:

- (4) Атрибутивное: *X COMP ЧЕМ НЕЖЕЛИ Y (~ 800)*
Правительство в этом вопросе считает, что эволюция лучше, чем революция.
 [Александр Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04]
- (5) Адвербиальная: *V1 COMP ЧЕМ НЕЖЕЛИ V2 (~ 3000)*
мы лечили лучше, чем лечат в Америке. [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)]

Между тем настолько прозрачные по своей структуре предложения встречаются в реальных текстах довольно редко. Действительно, в подавляющем большинстве случаев адвербиальная «двухчастная» конструкция сравнивает не две разные ситуации (и два разных предиката), а одну заданную ситуацию с нею же, только представленной в другом временном или модальном плане, ср:

- *привез меньше, чем мог.*
- *осталось меньше, чем хотелось бы.*
- *стало хуже, чем было.*

Фон для сравнения вводят специальные лексико-грамматические показатели, а именно: модальные глаголы (*хочу глубже узнать*), сослагательное наклонение (*который бы лучше соответствовал*), целевое придаточное (*чтобы поменьше зависеть*).

Получается, что по форме конструкция соответствует сравнительной, а по существу она выражает вовсе не сравнение, а оптимизацию или интенсификацию (реже — ослабление) свойств предиката в новом, как правило, потенциальном, контексте.

Как кажется, именно этим объясняется постепенное стирание сравнительной семантики основных частотных наречий. В зависимости от исходного значения, они преобразовываются в лексикализованные маркеры времени (дейктические наречия), ср.: *ранее — раньше, позднее — позже*, или грамматикализованные дейктические дискурсивные слова, ср.: *точнее, вернее, скорее, скорее всего*. Семантическое распределение внутри этих квазиграмматических групп не описано и вызывает множество вопросов и ошибок, ср. (6–7):

- (6) *Во время нападения Наполеона на Москву (1812) пострадал и медицинский факультет МГУ <...> Позже* (вместо: *позднее*) *он был приведен в полный порядок.*
- (7) *Как я сказал раньше* (вместо: *ранее*), *я считаю себя гражданином мира.*

Но и для обычных, неграмматикализованных лексем, правила выбора наречия в форме сравнительной степени остаются говорящему неясными: раз настоящего сравнения нет, а есть в основном интенсификация или оптимизация, то с семантической точки зрения, все разнообразие наречий оказывается квазисинонимами с общим значением ‘более (менее) оптимально (V)’. Естественно тогда и выбрать, не раздумывая, для заполнения этой позиции лексему *больше*, с самой свободной сочетаемостью, как это (ошибочно) сделано в (8) и множестве похожих на него примеров:

- (8) *В России человек **больше** (вместо: **чаще**) считается расистом из за действий*

Как известно, стандартные контексты интенсификации семантически «разогревают» конструкцию, они склонны к «повышению градуса» ситуации, ее гиперэмпатичности. Отсюда широкое использование говорящими удвоения (*хуже и хуже*) и специализированных усилительных маркеров (*все (хуже), еще (шире), все более, гораздо* и др.). Понятно, что прием «усиления усиления» требует осторожного обращения и соблюдения сочетаемостных правил — правда, пока не описанных. Поэтому именно здесь кроется еще один источник ошибок, ср., например:

- (9) *При этом песня принуждает народ **все более и более прилагать свои усилия и трудится**.*

Как видим, современное состояние и динамика развития сравнительных конструкций в русском языке — довольно обширная тема, мы коснулись только одного ее частного фрагмента, чтобы обозначить перспективы теоретического лексикограмматического исследования этой области. Однако сама задача выросла из анализа значительного подкласса ошибок при употреблении сравнений.

Более локальные сюжеты представляет глагольное управление предложными конструкциями.

ПРИМЕР 2. ПРЕДЛОЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Действительно, общности в нарушениях падежного управления немного: каждый глагол, предлог и даже имя накладывает свои ограничения на конструкцию и добавляет фрагментарности (впрочем, иногда и изящества) сочетаемостным правилам. Чаще всего общим для них является семантическая мотивированность, основания которой не всегда доступны нестандартным носителям.

Глаголы поступательного движения хорошо комбинируются с именами пути — *дорога, тропинка, проспект, маршрут, траектория, улица* и др. Естественно, что такие сочетания поддерживаются пролативным предлогом *по* и плохо комбинируются с другими предложными значениями: *ехать / плыть / идти по дороге / маршруту / улице*, но: **в дороге* или **на улице*. Почему один из носителей американского эритажного русского употребил *на* вместо *по* и сказал: *шел на улице*, можно только догадываться. Скорее всего, он был под влиянием английской конструкции *in the street* и устойчивого сочетания *на улице* в русском.

Заметим, что, вообще говоря, в контексте поступательного движения *на улице* все же возможно, правда, в другом значении, и немногочисленные примеры из НКРЯ это подтверждают, ср. (9–10):

- (9) *Пора. Обозы идут **на улице**. Смотрите, чтоб вас не тронули.* [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]
- (10) *Когда кто-нибудь идет **на улице**, то снег так скрипит, что слышно в моей избушке.* [П. Н. Краснов. От Двуглавого орла к красному знамени (1922)]

В обоих случаях речь идет о действии, которое происходит *снаружи* того помещения, в котором в данный момент находится наблюдатель. Действительно, в (9) все участники речевой ситуации, включая говорящего, действительно находятся в доме и прислуши-

ваются к тому, что происходит, чтобы угадать момент, когда удобнее выйти наружу, а в (10) говорящий мысленно помещает себя в избушку, чтобы «услышать» скрип снега. Именно такую интерпретацию как единственно возможную имеет предложное выражение *на улице* в нехарактерном для себя контексте с глаголами поступательного движения.

Получается, что к давно известному набору лингвистически значимых и лексически закрепленных положений наблюдателя в разных языках мира, рассмотренный пример добавляет специфическую позицию внутри / вне замкнутого пространства, причем не исключено, что типологически достаточно релевантную, ср. англ. *outdoors*.

Заодно обратим внимание на числовое поведение имени *улица* в данном контексте: как в обычной конструкции с пролативным *по*, *улица* стоит здесь в единственном числе, но семантически это разное единственное: *идти по улице* описывает движение какого-то одного субъекта-фигуры. Оно вполне допускает множественное число в распределенном смысле: *и опять почтальоны бежали по улицам* ('разные почтальоны по разным улицам').

В *на улице* из примеров (9–10) нет идеи конкретной улицы — это любое место, прилегающее к пределам строения, где находится говорящий / наблюдатель: двор, поле, площадь и др. под. (ср.: *оставил велосипед на улице*) или даже просто пространство снаружи любых построек (*на улице темно / холодно / –30; познакомился с ней на улице* и др.).

Переход к множественному числу участников очень часто (но не всегда, ср. правильный пример в сноске³) предполагает распределенную множественность, он сопровождается возвратом к исходной интерпретации слова *улица*, а значит, требует формы множественного числа и для самой этой лексемы, ср. ошибочные предложения (11–13) из Учебного корпуса:

- (11) *Оказывается, что каждый год в день рождение Гитлера ходят на улице* (вместо: *на улицах*) *скинхэды*.
- (12) *В статье говорится о музыкантах в Сирии, которые думают, что своя музыка являются эффективным способом протеста, как и демонстрации на улице* (вместо: *на улицах*).
- (13) *Также в России вообще очень мало видно инвалидов на улице* (вместо: *на улицах*) — *например тех, у кого церебральный паралич или синдромом Дауна*.
- (14) *Кроме того, на улице* (вместо: *на улицах*) *нет корзин для мусора*.

ПРИМЕР 3. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ, или О СЛОВАРЕ ОШИБОК

Пример (15):

- (15) *Маленький мальчик потом взял лопатку и делает маленькие дырку, что положить turtle*

взят из пересказа мультфильма, в котором ребенок решил, что у него умерла черепаха и ее нужно похоронить. В этом предложении много ошибок разного рода, но сейчас нас интересует только выбор неправильного русского перевода для слова *hole*: использованное автором выражение *сделал дырку* в русском языке в этом контексте абсолютно

³ *Облака в небе, лужи на улице и отчаяние в душе.*

невозможно. Источник этой ошибки понятен — здесь произошло полное калькирование с доминирующего в данном случае английского, ср. *to make a hole*.

Педагогическая польза от поиска калек в том, чтобы истребить их в речи изучающего иностранный язык студента, поэтому в перспективе Учебный корпус предполагает разметку по калкам. Но для лингвистов (которые тоже будут пользоваться этой разметкой) кальки, наоборот, имеют очень большую ценность: они эксплицируют различия между языками и указывают точки расхождения, которые так настойчиво ищут типологи.

Пример (15) ценен для лексической типологии: он демонстрирует различие между англ. *hole* и его русским коррелятом *дырка*. *Дырка* бывает только сквозной, поэтому все, что выкопано в земле, по-русски называется иначе. Это может быть *яма*, *канавка* (их не только *копают*, но и *роют* — но, кстати, обычно не *делают*) или *норка* / *нора* — если в ней живет какое-то существо. Могилу (по отношению к черепаше лучше было бы сказать *могилка*) иногда действительно грубо называют *ямой*, но не *ямкой*, и конечно, не *дыркой*.

Несквозные отверстия возникают не только в земле, ср. *вмятины* как результат воздействия на артефакт человека или стихии. Есть естественные несквозные отверстия, ср. *пещера* или древесное *дупло* (ср. также *дупло*, образовавшееся в зубе естественным путем), или *впадина* — повторим, что в русском языке они не заменяются ни на *дырка*, ни на *дыра*.

В человеческом теле имеются физиологические *отверстия* — но не *дыры* / *дырки*, если не говорить о сленге (где, кстати, возможно и калькирование). Практически для каждого из них есть свое название, ср.: *рот*, *глотка*, *ноздря*, *глазница* и др., а вот результатами (искусственных) проколов и прострелов будут как раз *дырки* (NB! не *дыры*, но и не *отверстия*). Правда, если эти отверстия несквозные, они называются иначе: *раны* или *ранки*, ср. еще *пулевое отверстие*.

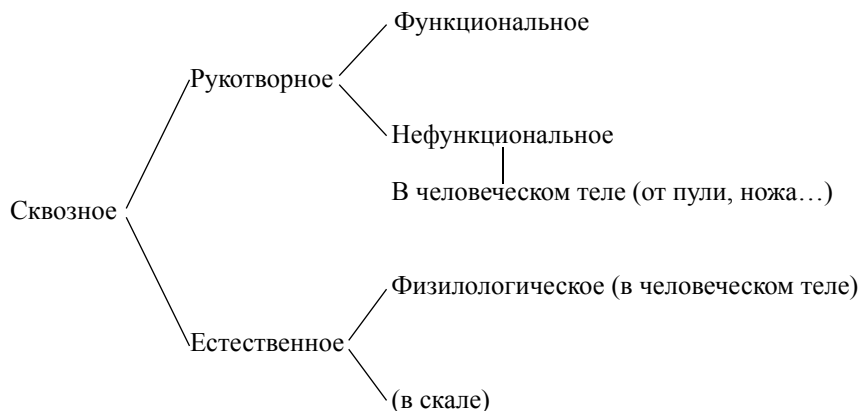
Отверстия, как и *дырки*, тоже, как правило, сквозные, но не обязательно рукотворные, ср. *просверленное отверстие (дырка) в стене* VS. *отверстие (*дырка) в скале*. Если это отверстие в артефакте, то оно всегда функционально, в отличие от *дырки* или *дыры*, которые нарушают целостность объекта. Ср. канализационное отверстие (**дыра* / *дырка*), *отверстие в трубе*; ср. также специальные лексемы, закрепленные для особо важных в антропоцентричном мире функциональных артефактов-отверстий: *горлышко* (бутылки), *дверь*, *окно*, *форточка*, *лаз* и мн. др.⁴

Дырка прототипически круглая, а **вытянутое** сквозное отверстие называется *щель*, или, если это совсем узкое отверстие, непригодное для проникновения внутрь и не пропускающее света — *трещина*. Но это топологическое противопоставление касается только твердых поверхностей: в мягких не бывает щелей и трещин, так что продольный или поперечный функциональный разрез остается *разрезом*, а нефункциональный, когда по шву лопается узкая юбка, называется *дырой*, но — не *дыркой*. Отсюда, кстати, следует, что *дырка* — это вовсе не ‘маленькая и симпатичная дыра’, как можно было бы подумать, а совершенно самостоятельный, хотя и бесплотный, объект действительности⁵.

Видно, что русская система параметров в этой зоне очень богата, она выделяет целый ряд нетривиальных фреймов-отверстий (о значимости и специфике понятия фрейма в лексической семантике см. Рахилина, Резникова 2013), как то:

⁴ Кстати сказать, есть множество значимых отверстий в артефактах, которые, тем не менее, в языке вообще никак назвать невозможно. Например, отверстие в царской короне или кольце или «горлышко» стакана и вообще «вход» в почти любой не-узкий контейнер — бокал, чашку, вазу, коробку и проч.

⁵ Подробнее о не-димиинутивной семантике русских димиинутивов см. в Спиридонова 1999.

Несквозное — Рукотворное — В земле

Наверняка английская система окажется не беднее и сможет выразить большинство этих противопоставлений: в английском есть специальные лексемы и для ям, и для рвов, и для щелей — и в целом английская лексика знаменита тем, что обычно очень детально прорабатывает семантические зоны. Отличие английской системы от русской не в бедности, а в том, что в английской системе есть лексема *hole*, которая может покрывать большую часть этих фреймов сама, нейтрализуя «спрятанные» в них противопоставления. Такого рода лексические системы мы называем *доминантными* — в противовес *классифицирующим*, как русская. Понятно, что эта характеристика дается, как правило, не всему языку, а конкретному фрагменту его лексики, в данном случае, отверстиям.

Как видим, ошибки при калькировании легко вскрывают противопоставление между классифицирующими и доминантными системами. Ясно, что системно составленный (по тому же принципу, что и Грамматика ошибок) *Словарь ошибок* мог бы дать новый импульс лексической типологии.

ПРИМЕР 4 и ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды был маленький мальчик, его звали Сема, и он решил пойти на рыбалку, он вместе взял свою собаку, его звали Петька, и пошел ловить рыбу на реку. Он выкопал червики и сел ловить рыбу. Он посмотрел вниз на реку и увидел что удочка его прогнулась и он поймал рыбу и он начал тянуть. Тянул он очень сильно, так сильно что он даже упал сам в реку. Насколько он упал в реку, Петька, его собака решила его на прыгнуть и спасти тоже. (Фрагмент текста из коллекции И. Дубининой)

Когда сталкиваешься с такими, по-настоящему сложными, текстами нестандартных говорящих, существенно отстоящими от современной нормы, вспоминаешь опыт комментаторов берестяных грамот: переход от эпохи *исправления ошибок* в грамотах к идее о том, что они представляют особый (нестандартный!) диалект, стал ключом к их новой интерпретации. Собственно, именно по этому пути идут современные теоретические исследования и исследователи эритажного языка, усматривая в нем

не отдельные частные ошибки, а черты креолизации, см. подробнее об этой любопытной идее в Polinsky, Kagan 2007. Однако пока неясно, можно ли говорить, например, об эритажном русском в целом — даже если ограничиться носителями с доминантным американским английским, представленном в Учебном корпусе.

И все-таки от работы с текстами нестандартных говорящих остается твердое ощущение, что языковые ошибки в лексико-синтаксических конструкциях возникают в них не случайно и не везде и что общий смысл даже очень сложных текстов такого рода, как правило, совершенно понятен. Нам кажется это очень существенным: значит, и в самих текстах, и в соответствующих им языковых вариантах есть, как учил нас Александр Евгеньевич, константы — и переменные. Задача только в том, чтобы их найти.

Литература

- Русская грамматика. 1980. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука.
- Кибрик А. Е. 2003. Константы и переменные языка. Алетейя.
- Князев Ю. П. 2007. Грамматическая семантика. Языки славянских культур.
- Князев Ю. П. 2011. Сравнительная степень. Для проекта «РусГрам».
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. 2013. Фреймовый подход к лексической типологии. Вопросы языкознания.
- Русакова М. В. 2013. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. Языки славянских культур.
- Санников В. З. 1989. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. Наука.
- Спиридонова Н. Ф. 1999. Русские диминутивы: проблемы образования и значения. Известия РАН, СЛЯ. Т. 58, № 2. С. 13–22.
- Фрей А. 2006. Грамматика ошибок. Комкнига.
- Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. 2010. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian. Helsinki.
- Polinsky M., Kagan O. 2007. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. Language and Linguistics Compass 1(5).